

Пантелеимон [Успенский], иером. Три богослова: св. ап. Иоанн Богослов, св. Григорий Богослов и преп. Симеон Новый Богослов: (Общие черты их учения вообще и теории богопознания в частности) // Богословский вестник 1913. Т. 1. № 1. С. 77–103 (2-я пагин.).

ТРИ БОГОСЛОВА:

**св. ап. Иоанн Богословъ, св. Григорій Богословъ и преп. Симеонъ
Новый Богословъ *).**

(Общія черты ихъ ученія вообще и теоріи богопознанія въ частности).

Когда мы глядимъ на ясное звѣздное небо или входимъ въ большой роскошный цвѣтникъ, дивное зрѣлище тогда представляется намъ. Какое здѣсь разнообразіе и въ то же время единство, какая разбросанность и въ то же время гармонія! Нѣчто подобное представляется и мыслителю, когда онъ пытается умственнымъ взоромъ окинуть міръ святоотеческой письменности. Какъ трудно бываетъ зрителю, глядя на небо или находясь въ цвѣтникѣ, остановить свой взоръ на чемъ-либо одномъ! Но ему совершенно легко будетъ это сдѣлать, когда онъ станетъ всматриваться въ звѣзды какой-либо одной опредѣленной величины и блеска или станетъ, напримѣръ, выбирать цвѣты какого-либо одного названія. То же затрудненіе испытываетъ и всякій, кто пожелалъ бы остановиться вниманіемъ въ святоотеческой литературѣ на одномъ или нѣсколькихъ Отцахъ. Но это затрудненіе быстро исчезнетъ, когда мы обратимся, напримѣръ, къ Отцамъ, получившимъ какое-либо общее и особенное наименованіе. Въ настоящемъ очеркѣ мы и хотѣли бы остановить свое вниманіе на тѣхъ Отцахъ, которые въ исключительномъ смыслѣ названы Богословами. Человѣку мыслящему и въ особенности богослову такъ естественно заинтересоваться именно этими Отцами и спросить себя: по какой причинѣ они такъ на-

**) Настоящая статья представляет собою пробную лекцію, читанную въ засѣданіи Совѣта профессоровъ М. Д. Академіи 19 сентября 1912 г.*

званы, и существуетъ ли между ними какое-либо соотношение и связь? Такая любознательность ничуть не будетъ праздною. Напротивъ, отъ рѣшенія заданныхъ вопросовъ богословъ вправе ожидать для себя выясненія столь важной для него проблемы объ истинномъ богословствованіи и объ истинномъ богословѣ. Въ лицѣ тѣхъ Отцовъ, которые по преимуществу наименованы Богословами, онъ и найдетъ послѣдній изъ этихъ идеаловъ, а первый—въ самомъ ихъ ученіи.

Первый изъ Отцовъ Церкви, получившій имя Богослова, есть одинъ изъ трехъ Каппадокійцевъ—св. Григорій Назіанзинъ, жившій и писавшій въ золотую пору расцвѣта святоотеческой мысли. Другой же Отецъ, которому также усвоено наименование Богослова, жилъ совсѣмъ въ другое время, много позднѣе Григорія, въ періодъ упадка и оскудѣнія богатой раньше святоотеческой письменности. Это преп. Симеонъ Новый Богословъ, жившій къ концѣ 10 и началъ 11 вѣка. Въ литературѣ о св. Григоріи Назіанзинѣ нерѣдко говорится, что наименование Богослова присвоено ему главнымъ образомъ за его знаменитыя „пять словъ о богословіи“¹⁾. Что же касается до преп. Симеона, то о немъ хотя мы и не встрѣчали такого указанія, но и у него, какъ и у Григорія, также находимъ три „богословскихъ слова“²⁾, весьма сходныхъ съ Григоріевыми по содержанію, по глубинѣ и высотѣ созерцанія, хотя и различныхъ по языку и стилю. Было бы легкомысленно удовлетвориться такимъ вѣтхимъ и случайнымъ основаніемъ для объясненія столь почетнаго и столь рѣдкаго титула. Въ виду этого мы помнемъ болѣе глубокихъ основаній, и съ этой цѣлью займемся детальнымъ анализомъ и сличеніемъ богословской системы Григорія и Симеона. Но къ названнымъ Отцамъ намъ не только не безполезно, но и прямо необходимо присоединить еще одного величайшаго мужа, не Отца Церкви, но возлюбленнаго ученика Христова, св. апостола и евангелиста Іоанна, коему еще прежде Григорія и Симеона усвоено наименование Богослова. Легко можно догадываться, что и

¹⁾ См. Фаррара Жизнь и труды св. Отцовъ и учит. Церкви въ русск. перев., изд. 2-е, т. I, стр. 554; свящ. Н. Виноградова Догматич. ученіе св. Григорія В., стр. 138; Богослов. Энциклопедія, т. IV, столб. 624 и др.

²⁾ См. Слова преп. Симеона въ русск. переводѣ, изд. 2-е, вып. II, стр. 75—108.

тому и другому Отцу нмя Богослова дано не безъ отношенія къ первому и великому Богослову.

I.

Итакъ, приступая къ сличенію ученія „трехъ Богослововъ“, мы расположимъ его по естественной и простой схемѣ: ученіе о Богѣ, о мірѣ и человѣкѣ.

Раскрывая общее понятіе о Богѣ, какъ Существо въ невидимомъ и непостижимомъ ³⁾, безначальномъ ⁴⁾, вѣчно сущемъ и живомъ ⁵⁾, Богословъ—Тайнозритель даетъ самое краткое, но въ то же время и самое глубокосодержательное опредѣленіе существа Божія. „Богъ есть свѣтъ“ ⁶⁾, говоритъ онъ: „Богъ есть любовь“ ⁷⁾. А о Христѣ Спасителѣ Іоаннъ по преимуществу учитъ, какъ о предвѣчномъ Словѣ Божіемъ—Логосѣ ⁸⁾. То же самое ученіе о Богѣ, только болѣе подробно, раскрывается и у двухъ другихъ Богослововъ. Изображая Бога Существомъ безпредѣльнымъ, превысшимъ всего, невидимымъ и неизменнымъ ⁹⁾, и Григорій и Симеонъ съ одинаковымъ вниманіемъ останавливаются на понятіи непостижимости Божіей. „Какъ никто и никогда не вдыхалъ въ себя всего воздуха; такъ ни умъ не вмѣщалъ со-

³⁾ Іоан. I, 18; I Іоан. 4, 12. Излагая ученіе Богослова—Евангелиста, мы въ равной мѣрѣ пользуемся какъ посланіями его, въ которыхъ болѣе всего, конечно, отразилась личность Апостола, такъ и евангеліемъ, излагающимъ собственно рѣчи и ученія Спасителя, равно и Апокалипсисомъ, изображающимъ видѣнія и откровенія, показанныя Тайнозрителю; потому что и въ этихъ двухъ величайшихъ памятникахъ новозавѣтной апостольской письменности также не могли не отразиться индивидуальныя черты и личныя особенности возлюбленнаго ученика.

⁴⁾ I Іоан. 2, 14; Іоан. 1; 1, 8, 25.

⁵⁾ Іоан. 8, 58; Откр. 1, 4, 8, 17—18; 4, 8—9; 11, 17; 21, 6; 22, 13.

⁶⁾ I Іоан. 1, 5; Іоан. 1, 7—9; ср. Іоан. 8, 12; 9, 5; 12, 46; ср. 12, 35—36.

⁷⁾ I Іоан. 4, 8; 4, 16.

⁸⁾ Іоан. 1, 1—2; 1, 14; I Іоан. 1, 1; Откр. 19, 13.

⁹⁾ Григорій Б. твор. въ русск. пер., изд. 3-е. ч. III, стр. 17, 197, 155; ч. II, стр. 182, 144; ч. I, стр. 186; ч. IV, стр. 197 и др. Симеонъ Н. Б. Слова вып. II, стр. 105; *Divinorum amorum liber singularis*, Migne P. ser. gr., t. CXX, cap. II, col. 510 C; c. VIII, col. 519 AD; c. IX, col. 521 A; c. XIII, col. 526 AC; c. XV, col. 530 D; c. XIX, coll. 545 D, 546 C, 547 A; c. XX, col. 550 BC; c. XXII, coll. 558 C, 559 A; c. XXV, coll. 561 D, 562 B; c. XXXII, col. 582 B; c. XXXVII, coll. 592 B, 593 A и др.

вершенно, ни голосъ не обнималъ Божіей сущности“ — говоритъ Григорій Богословъ ¹⁰⁾. Не менѣе удачно выражаетъ ту же мысль и преп. Симеонъ, говоря: Богъ „столько познается нами, сколько можетъ кто увидѣть безбрежнаго моря, стоя на краю его ночью съ малою въ рукѣ зажженною свѣчою“ ¹¹⁾. Между тѣмъ понятіе безначальности болѣе оттъпняется у преп. Семеона ¹²⁾, а понятіе вѣчности у Григорія Богослова ¹³⁾. Что же касается до ученія о Богѣ, какъ о свѣтѣ, то и у того и у другого Отца оно развито съ замѣчательною полнотою, ясностію и раздѣльностію ¹⁴⁾, тогда какъ о Богѣ — Любви чаще и настойчивѣе говоритъ преп. Симеонъ ¹⁵⁾, а о Словѣ—Логосѣ, о Богѣ, какъ о первомъ.

¹⁰⁾ Твор. ч. III, стр. 78; см. еще ч. III, стр. 21, 196 и др.

¹¹⁾ Слова в. II, стр. 100; ср. в. II, стр. 554—555; см. еще в. I, стр. 260; в. II, стр. 78, 80—81; М. Р. гл. (тотъ же томъ) ор. cit. (т. е. Div. am...) с. XV, coll. 529 C, 530 D; с. XX, coll. 530 B, 551 AB; с. XXXII, col. 582 B и др.

¹²⁾ Григорій Б. твор. ч. III, стр. 100—101; Симеонъ Н. Б. Слова в. II, стр. 80—82, 102, 104; М. Р. гл. ор. cit. с. XIX, col. 545 C; с. XXII, col. 558 D; с. XXV, coll. 562 B, 563 B и др.

¹³⁾ Симеонъ Н. Б. Слова в. II, стр. 93; М. Р. ор. cit., с. XXII, col. 559 B; с. XXV, col. 562 B; Григорій Б. твор. ч. III, стр. 78, 196; ч. IV, стр. 125 и др.

¹⁴⁾ „Богъ есть свѣтъ высочайшій, неприступный неизглаголаный“, говоритъ Григорій Б. (твор. ч. III, стр. 226); Богъ—первый и чистѣйшій свѣтъ (ч. III, стр. 257) и пр. Весьма часто повторяя свое учение о Богѣ, какъ свѣтѣ (см., напр., твор. ч. I, стр. 50; ч. II, стр. 145; ч. III, стр. 68, 120, 256—257; ч. V, стр. 44 и др.), и о Троичномъ {Свѣтъ (твор. ч. III, стр. 103, 143, 215, 254; ч. IV, стр. 188 и др.), Григорій могъ съ полнымъ правомъ сказать: „мы нынѣ узрѣли и проповѣдуемъ краткое богословіе Троицы, отъ Свѣта—Отца пріяхъ Свѣтъ—Сына во Свѣтъ—Духъ“. Твор. ч. III, стр. 85. Но едва ли менѣе, если не болѣе, такое же „богословіе“ развито и у преп. Симеона, который говоритъ, напримѣръ, „Богъ свѣтъ есть, и тѣ, которые сподобляются узрѣть Его, всѣ видятъ Его, какъ свѣтъ, и тѣ, которые пріяли Его, пріяли какъ свѣтъ... и безъ свѣта Ему невозможно явить Себя“. Слова в. II, стр. 318. Или еще: „Богъ есть свѣтъ и свѣтъ безиредѣльный, и что въ Богѣ, свѣтъ есть... Отецъ есть свѣтъ, Сынъ свѣтъ и Духъ Святой свѣтъ,—три—еднѣй Свѣтъ... и то, что отъ Бога, свѣтъ есть“ и пр. Слова в. II, стр. 106—107. См. еще в. II, стр. 51, 556; М. Р. ор. cit., с. III, col. 522 C; с. XVIII, col. 543 AB; с. XXXII, coll. 582 A, 583 BC и др.

¹⁵⁾ Въ твореніяхъ Григорія Б. см. ч. I, стр. 186, 248; ч. II, стр. 189 и др. У преп. Симеона мы читаемъ: Богъ „наименовался и есть самосущая и ипостасная Любовь“. Слова в. II, стр. 367; ср. М. Р. ор. cit., с. XL, col. 600 C и др. И о Сынѣ Божіемъ св. Отецъ говоритъ: „Христосъ есть совершенная любовь“. М. Р. ор. cit., с. VI, col. 518 D. Также и о Духѣ Свя-

чистѣйшемъ и всецѣломъ Умѣ, выразительнѣе учить св. Григорій ¹⁶⁾.

Переходя далѣе къ важнѣйшему христіанскому догмату Св. Троицы, о Григоріи Назіанзинѣ, не боясь преувеличенія, можно сказать, что едва ли кто изъ Отцовъ такъ глубоко проникъ въ этотъ догматъ и изложилъ его съ такою ясностью и отчетливостью, какъ великій Каппадокіецъ ¹⁷⁾. „Слова его“, говоритъ о немъ архіеп. Филаретъ, „съ изумительною точностію выражаютъ боговдохновенныя мысли о Тріиностасномъ“ Божествѣ ¹⁸⁾. Вотъ, напримѣръ, какъ кратко и ясно формулируетъ этотъ догматъ Григорій: „Богъ раздѣляется, такъ сказать, нераздѣлимо и сочетается раздѣленно: потому что Божество есть единое въ трехъ, и едино суть три“ ¹⁹⁾. Но и Новый Богословъ въ этомъ отношеніи весьма близокъ къ Назіанзину и, быть можетъ, даже ничуть не уступаетъ ему. „Три лица Божества“, читаемъ мы въ одномъ мѣстѣ у Симеона, — „единъ есть Богъ, Который раздѣляется нераздѣльно по ипостасямъ и единится неслиянно по единности единого естества, — весь единый въ трехъ ипостасяхъ, и весь троиный въ преемственной единности“ ²⁰⁾. Обращаясь послѣ сего къ

томъ онъ утверждаетъ, что „Божественный Духъ есть любовь“. Ibid. с. XVII, col. 536 B. 539 A. См. еще у Симеона ibid. с. XV, col. 529 D, 530 A; с. XVII, col. 534 CD; с. XVIII, col. 544 C, с. XX, col. 551 C и др.

¹⁶⁾ У Симеона см. Слова в. I, стр. 260; в. II, 94—8; М. Р. ор. cit. с. XVII, col. 539 B; с. XXX, col. 575 C; с. XXXI, col. 578 CD. Григорій Б., называя себя ученикомъ и служителемъ Слова (твор. ч. IV, стр. 3; ч. VI, стр. 24) о Богѣ весьма часто говоритъ, какъ о всецѣломъ, великомъ и безконечномъ Умѣ. Твор. ч. I, стр. 49; ч. II, стр. 34, 84; ч. IV, стр. 164, 178, 186, 190 и др. Іоанна Предтечу Григорій не иначе называетъ, какъ гласомъ Слова и свѣтильникомъ Свѣта. Твор. ч. II, стр. 145; ч. III, стр. 29, 61, 203 и др. И вообще св. Отецъ мыслить о Христѣ главнымъ образомъ, какъ о Словѣ Божіемъ. См. твор. ч. III, стр. 60, 80, 214 и др.

¹⁷⁾ Недаромъ св. Церковь называетъ Григорія „тайнникомъ Троицы“ и „троическимъ богословомъ“. См. службу на 25 янв., 1-й тропарь 4-й пѣсни перваго канона и 4-й тропарь 8-й пѣсни того же канона.

¹⁸⁾ „Посему-то“, замѣчаетъ святитель, „и св. Дамаскинъ болѣе, чѣмъ кѣмъ-либо, руководствовался (Григоріемъ) Богословомъ въ своемъ изложеніи вѣры“. Историч. уч. объ Отцахъ Церкви СПб. 1859, т. II, стр. 190—191; ср. т. III, стр. 260.

¹⁹⁾ Твор. ч. III, стр. 215; см. еще ч. III, стр. 216, 260; ч. VI, стр. 24 и др.

²⁰⁾ Слова в. II, стр. 104; см. еще в. I, стр. 260; в. II, 72—74, 80; М. Р. ор. cit., с. XIX, col. 547 A; с. XXXI, col. 578 BCD; с. XXXII, col. 582 BC и др.

первому Богослову и припоминая слова его о томъ, что „триє суть свидѣтельствующіи на небеси: Отецъ, Слово и Св. Духъ, и сѣи три едины суть“ ²¹⁾, должно спросити: у кого изъ Евангелистовъ и Апостоловъ можно найти болѣе краткую и въ то же время болѣе точную формулировку приведеннаго догмата? Если бы даже вопросъ о подлинности этихъ словъ рѣшать въ отрицательномъ смыслѣ, то и тогда слѣдовало бы сказать, что они наилучшимъ образомъ выражаютъ ученіе Іоанна о Св. Троицѣ, потому что первое его посланіе и въ особенности почти все его евангеліе представляютъ собою полное и точное раскрытіе ученія именно о равенствѣ, единосущіи и нераздѣльности лицъ Св. Троицы и главнымъ образомъ Отца и Сына ²²⁾.

Обращаясь, наконецъ, къ еще болѣе частному догмату о лицѣ Христа, мы видимъ, что все слошъ евангеліе Іоанна доказываетъ истину о Божественномъ достоинствѣ Христа: оно для того и написано, чтобы люди увѣровали, „что Іисусъ есть Христосъ, Сынъ Божій“ ²³⁾. Но съ неменьшею выразительностію ап. Іоаннъ доказываетъ и ту истину, что Христосъ пришелъ во плоти и былъ совершеннымъ человѣкомъ ²⁴⁾, и при этомъ съ особенною силою и ревностію возстаетъ противъ того, кто „не повѣдуетъ Іисуса Христа во плоти пришедша“ ²⁵⁾. Неудивительно, если и у послѣдняго Богослова—преп. Симеона, жившаго уже много позже несторіанскихъ и монофизитскихъ споровъ, мы встрѣчаемъ отчетливое и ясное ученіе о „двухъ совершенныхъ естествахъ Божества и человѣчества, соединенныхъ неслѣянно и неизмѣнно“ во Христѣ ²⁶⁾. Но нельзя не удивляться тому, что и Григорій

²¹⁾ I Іоан. 5. 7. Проникновенный истолкователь Апостола любви—Новый Богословъ уже въ самомъ началѣ евангелія Іоанна усматриваетъ ученіе о Троицѣ. Приведя первые пять стиховъ изъ пролога 4-го евангелія, преп. Симеонъ утверждаетъ: „Говоря такъ, Іоаннъ Богословъ открываетъ таинство нераздѣльных Троицы, и Богомъ называетъ Отца. Словомъ—Сына, жизнію—Духа Святаго“... Слова в. II, стр. 43.

²²⁾ См. I Іоан. 1. 2; 2, 23. Въ евангеліи см. особенно 10, 31; 14. 7—11; 15, 26; 16, 13—15; 17, 10—11, 21—23 и мн. др.

²³⁾ Іоан. 20, 31.

²⁴⁾ Іоан. 1, 14; 19, 34; I Іоан. 1, 1—3; 5, 6; Откр. 1, 5, 7, 13 и др.

²⁵⁾ I Іоан. 4, 2—3; II Іоан. 1, 7.

²⁶⁾ Слова в. I, стр. 261; ср. в. I стр. 202 и др. Преп. Симеонъ говоритъ, что Христосъ, воплотившійся, показалъ въ Своемъ лицѣ двоякое чудо:

Богословъ еще при самомъ возникновеніи христологическихъ споровъ, своимъ проникновеннымъ и глубокосозерцающимъ умомъ вѣрно постигая истину, совершенно ясно и точно изложили православное ученіе о двухъ естествахъ во Христѣ-Богочеловѣкѣ при единствѣ Его ипостаси ²⁷⁾ ²⁸⁾.

Разсматривая далѣе ученіе „трехъ Богослововъ“ о мірѣ, мы прежде всего должны оговориться, что будемъ говорить не о мірѣ—космосѣ, но о мірѣ, какъ всей совокупности проявленій жизни падшаго человѣка. Въ данномъ случаѣ преп. Симеону, какъ строгому, самоуглубленному монаху—подвижнику, вполне естественно было высказать мрачный взглядъ о суетности міра и всего находящагося въ мірѣ ²⁹⁾. Говоря, что „міръ есть смерть“ ³⁰⁾, и призывая людей любить и вѣровать во единаго Господа, св. Отецъ „учитъ ненавидѣть міръ сей и бѣжать отъ него“ ³¹⁾. Однако и св. Григорій Богословъ, чистая и святая душа котораго постоянно стремилась въ пустыню, къ иному горнему міру, къ безмолвію и созерцанію ³²⁾, противоположая міръ Христу, т. е. Церкви Христовой ³³⁾, и жизнь мірскую жизни духовной ³⁴⁾, необычайно яркими чертами изображаетъ суетность, непрочность и тлѣнность всего находящагося въ мірѣ семъ ³⁵⁾,—и такимъ образомъ подтверждаетъ мысли Симеона. Наконецъ, и

видимаго и невидимаго, держимаго и недержимаго (М. Р. *op. cit.*, с. XVII, col. 536 C) и изумляется тому, какъ невидимый, неуловимый, непостижимый и неизмѣнный Богъ содѣлался видимымъ, доступнымъ, осязаемымъ. Ibid. с. XIII, col. 526 AB; с. XV, col. 530 D—531 A.

²⁷⁾ Твор. ч. IV, стр. 160, 203; ч. I, стр. 24; ч. III, стр. 202, 204, 253, 363; ч. VI, стр. 23 и др.

²⁸⁾ Отды Ефесскаго и Халкидонскаго собора, доказывая истинность православнаго ученія о лицѣ Иисуса Христа, приводили выдержки изъ сочиненій Григорія Богослова. Богосл. Энциклоп. т. IV, столб. 622—623.

²⁹⁾ М. Р. *op. cit.*, с. XXXV, col. 587 C.

³⁰⁾ Ibid. с. XXXIX, col. 595 B.

³¹⁾ Ibid. *loc. cit.*; с. V, col. 516 C; с. VI, col. 518 A; с. XII, col. 524 D; Слова в. II, стр. 28, 510, 563—565 и др.

³²⁾ Твор. ч. I, стр. 15; ч. II, стр. 115, 133, 202—203; ч. IV, стр. 221, 234, 263; Виноградовъ Догматич. ученіе св. Григорія Б., стр. 118.

³³⁾ Твор. ч. I, стр. 40.

³⁴⁾ Твор. ч. V, стр. 158—165.

³⁵⁾ „Все здѣшнее“, говоритъ св. Григорій, „смѣхъ, пухъ, тѣнь, призракъ, роса, дуновение, перо, паръ, сонъ, волна, потокъ, слѣдъ корабля, вѣтеръ, прахъ“ и пр. Твор. ч. IV, стр. 223; см. еще ч. IV, стр. 219, 221—223 и др.

возлюбленный ученикъ Христовъ своимъ апостольскимъ авторитетомъ утверждаетъ насъ въ томъ взглядѣ на міръ, который принято нынѣ считать узкимъ и одностороннимъ. Противопоставляя міръ съ его княземъ міра сего ³⁶⁾, міръ—весь лежащій во злѣ, ³⁷⁾, не принимающій Духа Святаго ³⁸⁾, ненавидящій и гонящій Христа и всѣхъ избранныхъ Божіихъ ³⁹⁾,—противопоставляя этотъ міръ царству не отъ міра сего, царству Господа и Христа Его ⁴⁰⁾, Апостолъ любви въ концѣ концовъ такъ ясно учитъ: „Не любите міра, ни того, что въ мірѣ... Ибо все, что въ мірѣ, похоть плоти, похоть очей и гордость житейская“... ⁴¹⁾

Касаясь ученія о человѣкѣ, мы также найдемъ немало сходныхъ чертъ и прежде всего у двухъ Богослововъ—Отцовъ Церкви. Какъ Григорія, такъ и Симеона одинаково поражаетъ дивное сочетаніе въ человѣкѣ духа и плоти, ума съ прахомъ плотскимъ, сочетаніе земли, персти съ Царскимъ образомъ или съ образомъ Божіимъ ⁴²⁾. Будучи, съ одной стороны, червемъ, тѣнью и прахомъ ⁴³⁾, узникомъ плоти, однедневкою тварью, немощнѣйшимъ существомъ ⁴⁴⁾, человѣкъ однако силою благодати Духа Святаго, чрезъ сочетаніе со Христомъ (о чемъ особенно подробно говоритъ преп. Си-

³⁶⁾ Іоан. 12, 31; 14, 30.

³⁷⁾ I Іоан. 5, 19; ср. Іоан. 1, 29.

³⁸⁾ Іоан. 14, 17.

³⁹⁾ Іоан. 7, 7; 15, 18—19; 17, 14.

⁴⁰⁾ Іоан. 18, 36; Откр. 11, 15; ср. Іоан. 8, 23; 14, 27; 16, 29; I Іоан. 3, 13; 4, 4—5; 5, 4—5.

⁴¹⁾ I Іоан. 2, 15—16. Ученію Іоанна Богослова о троякой похоти отвѣчаетъ параллельное же ученіе Симеона Новаго Богослова о трехъ основныхъ страстяхъ, которыя онъ называетъ „узами міра“. „Всякій человѣкъ, рождающійся въ міръ сей“, говоритъ преп. Симеонъ, „тремъ бываетъ рабъ страстямъ: сребролюбію, славолюбію и сластолюбію“. Слова в. I, стр. 208—9, 213 и слѣд. Опредѣляя отношеніе человѣка къ собственному тѣлу, ко внѣшнему міру и къ себѣ, какъ личности, эти страсти или похоти дѣйствительно исчерпываютъ собою всю сумму возможныхъ для человѣка въ семъ мірѣ грѣховныхъ отношеній.

⁴²⁾ Григорій В. твор. ч. I, стр. 40, 56; ч. II, стр. 4, 8, 141; ч. IV, стр. 189, 200. Симеонъ Н. Б. М. Р. *op. cit.*, с. XXV, col. 563 A; ср. Слова в. II, стр. 558.

⁴³⁾ Симеонъ Н. Б. М. Р. *op. cit.*, с. XXI, coll. 554B; с. XXIX, coll. 571 C, 573 BC.

⁴⁴⁾ Григорій В. твор. ч. II, стр. 212; ч. IV, стр. 192, 217, 220, 223.

меонъ ⁴⁵⁾ являясь обоженнымъ, Христоноснымъ и Богоноснымъ, земнымъ ангеломъ и небеснымъ человѣкомъ, дѣлается чадомъ, сыномъ и другомъ Божіимъ, братомъ и сонаслѣдникомъ Христу, малымъ свѣтомъ и богомъ по благодати, имѣющимъ ликовствовать окрестъ великаго Свѣта и содѣлывать съ Богомъ ⁴⁶⁾. Встрѣчая и у Богослова—Апостола противоположеніе духа и плоти, рожденныхъ отъ плоти и отъ Духа ⁴⁷⁾, мы находимъ у него особенно развитое ученіе объ единеніи вѣрующихъ съ Богомъ и со Христомъ ⁴⁸⁾ и изображеніе благодатно-возрожденнаго и прославленнаго состоянія рожденныхъ отъ Бога чадъ Божіихъ ⁴⁹⁾. Проникновеннымъ усвоеніемъ и развитіемъ именно этихъ сторонъ въ ученіи Апостола любви особенно близкимъ къ нему является Симеонъ Новый Богословъ.

Кромѣ этихъ основныхъ чертъ, мы находимъ у „трехъ Богослововъ“ и другія болѣе частныя черты сходства. Если въ 10 главѣ евангелія Іоанна нарисованъ прекрасный образъ добраго пастыря, знающаго своихъ овецъ и полагающаго за нихъ душу свою ⁵⁰⁾, то и Григорій Богословъ и въ особенности прец. Симеонъ также прекрасно изображаютъ намъ идеаль пастыря, высоту и отвѣтственность пастырскаго слу-

⁴⁵⁾ Когда души ваши, по словамъ Симеона, бываютъ дѣвственны и чисты, тогда Богъ Слово Отчее входитъ въ насъ, какъ въ утробу Приснодѣвы. Слова в. I, стр. 395. Тогда обоженный человѣкъ, нося въ себѣ всего Христа (Слова в. II, стр. 10; в. I, стр. 305) и являясь обителію Пресв. Троицы (Слова в. II, стр. 59, 395), бываетъ такъ тѣсно соединенъ со Христомъ, какъ Сынъ Божій съ Отцомъ, и Отецъ съ Сыномъ, или по другому сравненію, какъ мужъ съ женою, и жена съ мужемъ. Слова в. I, стр. 387, 229, 385. Это ученіе объ единеніи душъ человѣческихъ со Христомъ прец. Симеонъ называетъ „тайнствомъ браковъ“. Слова в. I, стр. 394, 399.

⁴⁶⁾ Григорій В. тв р. ч. I, стр. 8; ч. II, стр. 119; ч. III, стр. 66; ч. V, стр. 26, 50 и др. Симеонъ Н. В. Слова в. I, стр. 174, 375—376; в. II, стр. 136, 419, 369; М. Р. оп. cit. с. XXI, coll. 555 ABC, 556 D—557 A; с. XXXVI coll. 590 D—591 A.

⁴⁷⁾ Іоан. 3, 6; 6, 63.

⁴⁸⁾ Іоан. 6, 36; 14, 20, 23; 15, 1—6; 17, 11, 21; 1 Іоан. 2, 5—6; 3, 6, 24; 4, 12; Откр. 3, 20; 7, 13; 19, 7 и др.

⁴⁹⁾ Іоан. 1, 12—13; 10, 34—35; 15, 14; 1 Іоан. 3, 1—2; 3, 9, 14; 5, 18; Откр. 1, 6; 3, 21; 5, 10; 22, 3.

⁵⁰⁾ Іоан. 10, 1—18.

женія ⁵¹⁾. О тѣсной связи богословской системы Симеона съ богословіемъ „сына грома“ говоритъ еще ихъ одинаково настойчивое ученіе о любви, какъ о важнѣйшей для христіанина заповѣди, являющейся необходимымъ условіемъ жизни въ Богѣ ⁵²⁾, неоднократно восхваляемой Симеономъ въ качествѣ главы добродѣтелей, госпожи и царицы ихъ ⁵³⁾. О той же связи Новаго Богослова съ новозавѣтнымъ Тайнозрителемъ свидѣтельствуется частая цитація первымъ послѣдняго и постоянное заимствование имъ своихъ излюбленныхъ идей у Іоанна Богослова ⁵⁴⁾. Что касается до отношенія Григорія Богослова къ возлюбленному Апостолу, то здѣсь еще разъ слѣдуетъ указать на то, что какъ у евангелиста Іоанна ключемъ богословія является ученіе о воплощеніи Бога-Слова ⁵⁵⁾, такъ и у Григорія Назіанзинна его мысль въ особенности обращена была къ предвѣчному Слову ⁵⁶⁾. А близость между Григоріемъ Богословомъ и преп. Симеономъ, кромѣ всего вышесказаннаго, видна изъ того еще, что Новый Богословъ съ особенною любовію и чаще всѣхъ другихъ Отцовъ цитируетъ великаго Каппадокійца ⁵⁷⁾. О ней говорить и то обстоя-

⁵¹⁾ Григорій Б. твор. ч. I, стр. 12—67, въ особенности стр. 19, 24, 49. Симеонъ Н. Б. Слова в. II, стр. 321—323, 378—380, 459—470; М. Р. op. cit., с. XIV, coll. 528A—529A.

⁵²⁾ Іоан. 13, 34; 15, 12, 17; I Іоан. 3, 11, 16, 18, 23; 4, 7, 11, 19—21; II Іоан. 1, 5.

⁵³⁾ Слова в. I, стр. 206—207; в. II, стр. 5—7; М. Р. op. cit. с. XVII, coll. 537A, 538CD, 540D и др.

⁵⁴⁾ См. особенно Слова в. I, стр. 229, 247, 384, 482—485; в. II, стр. 70, 448—449 и др. Нѣкоторыя оригинальныя мысли преп. Симеона: о томъ, напримѣръ, что пришествіе дна Господня и судъ будутъ только для грѣшниковъ, а не для праведниковъ, что одно явленіе божественнаго Свѣта будетъ уже судомъ для первыхъ и прославленіемъ для послѣднихъ (Слова в. II, стр. 35—37, 53, 319—320; в. I, стр. 412), что грѣховно-падшій человѣкъ утратилъ образъ Божій и началъ быть по образу и подобию діавола (Слова в. I, стр. 251, 45), и пр. являются не чѣмъ инымъ, какъ прониновеннымъ комментариемъ и послѣдовательнымъ развитіемъ соответствующихъ мѣстъ главнымъ образомъ изъ евангелія Іоанна. См. Іоан. 3, 18—21, 36; 5, 24; 8, 41, 44; ср. I Іоан. 3, 8, 10. Недаромъ поэтому нѣкій панегиристъ Василій, говоря о Симеонѣ, восклицаетъ: *Ὁ δότιος δ' ἄλλος φροντίζετο εὐδὲ ἀράθῃ μετὰ τὸν πρώτον τὸν μέγαν Ἰωάννην*. М. Р. gr. t. CXX, Notitia, col. 308D.

⁵⁵⁾ См. Богословск. Энциклоп. т. VI, столб. 821.

⁵⁶⁾ См. Архіеп. Филарета цит. соч. т. II, стр. 190.

⁵⁷⁾ Въ двухъ выпускахъ Словъ преп. Симеона мы насчитали восемь случаевъ, когда Новый Богословъ ссылается на Григорія Богослова.

тельство, что оба св. Отца, какъ поэтически одаренныя натуры, писали стихи, и такимъ образомъ были не только богословами-проповѣдниками, но въ то же время и христіанскими поэтами ⁵⁸⁾.

Такое близкое сходство у „трехъ Богослововъ“ въ рѣшеніи ими важнѣйшихъ вопросовъ богословія побуждаетъ насъ поискать причины этого сходства въ личныхъ свойствахъ и качествахъ трехъ этихъ мужей. Однако съ перваго взгляда мы больше, пожалуй, замѣтимъ различія въ ихъ индивидуальныхъ чертахъ, чѣмъ сходства. И въ самомъ дѣлѣ, Іоаннъ Богословъ, какъ самовидецъ Господа, какъ возлюбленный ученикъ Христовъ и избраннѣйшій изъ избранныхъ Апостоловъ, является настолько великою и единственною въ своемъ родѣ личностію, настолько яркою звѣздою, что въ этомъ отношеніи сравнить его нельзя не только съ какимъ-либо Отцомъ Церкви, но даже и Апостоломъ ⁵⁹⁾. Великій Каппадокіецъ—Григорій Назіанзинъ, величайшій изъ великихъ учителей христіанства ⁶⁰⁾, пастырь и святитель, всю жизнь ревностно боровшійся за истину православія, блестяще образованный по своему времени богословъ-философъ и краснорѣчивый ораторъ ⁶¹⁾, также является своеобразною и

напр., в. I, стр. 55, 389, 429—430; в. II, стр. 27, 53 и др. Тогда какъ Василія Великаго и Іоанна Златоуста Симеонъ цитируетъ только по два раза, всѣхъ же почти другихъ упоминаемыхъ имъ Отцовъ—только по разу.

⁵⁸⁾ Григорій Б. написалъ до 408 стихотвореній (Виноградовъ цит. соч., стр. 157; см. еще изслѣдованіе Говорова: Св. Григорій Б., какъ христіанск. поэтъ), представляющихъ собою, по словамъ Фаррара, „исповѣдь прекраснаго духа, вздохи святой души, которая ни въ чемъ не можетъ находить себѣ удовлетворенія, кромѣ какъ въ своемъ Богѣ“. Цит. соч., стр. 557—558. И преп. Симеонъ, по свидѣтельству упомянутого панегириста, сложилъ стиховъ числомъ 10752. М. Р. Notitia. col. 309С. Это стихи политическіе, ямбическіе и Анакреонтическіе. Ими главнымъ образомъ и написаны тѣ божественныя гимны Симеона (ibid., col. 303А), которые мы весьма часто цитируемъ здѣсь по изданію Миня (въ лат. перев. надписанные: Divin. atomum...). Эти гимны полны высокихъ созерцаній и самыхъ чистыхъ и возвышенныхъ изліяній святой и пламенно любящей Бога души.

⁵⁹⁾ См. изслѣдованіе іеромонаха (нынѣ епископа) Евдокима: Св. ап. и еванг. Іоаннъ Богословъ, Сергіевъ Посадъ 1898, стр. II, 125.

⁶⁰⁾ Говоровъ цит. соч., стр. 6.

⁶¹⁾ См. Виноградова цит. соч., стр. 109, 166—168.

почти неподражаемою величиною среди всѣхъ Отцовъ Церкви. Что касается до Симеона Новаго Богослова, то и онъ представляетъ изъ себя весьма оригинальную и выдающуюся личность, но совсѣмъ въ другомъ родѣ, какъ самоуглубленный аскетъ, весьма строгій монахъ, величайшій мистикъ, глубокий созерцатель и оригинальный богословъ-проповѣдникъ ⁶²⁾. Но при всемъ этомъ указанныя различія и своеобразность „трехъ Богослововъ“ являются внѣшними, обусловленными главнымъ образомъ разнообразіемъ ихъ служений и положеній, по отнюдь не внутреннимъ различіемъ душевныхъ качествъ. Въ этихъ именно качествахъ мы напротивъ видимъ у нихъ глубокое сродство и полное сходство.

Общими для всѣхъ „трехъ Богослововъ“ являются слѣдующія черты. Во-первыхъ, полная отрѣшенность отъ міра, отъ всего временнаго, земнаго, неудовлетворенность настоящимъ и обращенность къ небу, къ будущему, духовному, вѣчному, какъ бы всегдашній полетъ въ міръ горній, въ міръ таинственной Истины и безконечной Любви. Недаромъ символомъ Іоанна Богослова, какъ Евангелиста, является парящій орелъ. Черта эта настолько характерна для всѣхъ „трехъ Богослововъ“, что они еще при жизни были болѣе небожителями, чѣмъ обитателями земли ⁶³⁾. Вторую отличи-

⁶²⁾ Kurtz Handbuch der allgem. Kirchengeschichte, Mitau 1858, B. I, Abth. 3, s. 132; Holl Enthusiasmus und Bussgewalt beim griechisch. Mönchtum, Leipzig 1898, s. 36; Krumbacher Geschichte der Byzantinischen Litteratur, München 1897, s. 152; Аникіевъ Мистика преп. Симеона Н. Б., стр. 126—127, 132.

⁶³⁾ Іоаннъ Златоустъ говоритъ объ Апостолѣ любви: „вѣщаетъ мужъ съ небесъ, и издаетъ гласъ сильнѣе грома“. Твор. т. VIII, стр. 6; ср. стр. 8. Ср. бл. Августина твор. ч. X, стр. 6, 9. См. также Муретова Подлинность бесѣдъ и рѣчей Господа въ 4-мъ евангеліи, оттискъ изъ „Правосл. Обзорнія“ за 1881 г., стр. 22—24; еп. Евдокима цит. соч., стр. II—IV, 140. Въ послѣдней книгѣ между прочимъ говорится объ Іоаннѣ Богословѣ: „Онъ какъ бы былъ на самомъ небѣ и съ неба, какъ бы небожитель, вѣщалъ о Богѣ и жизни небесной“. Стр. 144. См. еще Богосл. Энциклоп. т. VI, столб. 821. Такими же чертами обладалъ и Григорій Богословъ, что видно изъ его твор. ч. II, стр. 115, 133, 202; ч. III, стр. 145; ч. VI, стр. 58; см. Виноградова цит. соч., стр. 171—172. „Моя жизнь въ иномъ мірѣ“, говоритъ однажды Григорій. Твор. ч. IV, стр. 234. Что и преп. Симеонъ отличался тѣми же качествами, ясно уже изъ того, что онъ ушелъ изъ міра и, предавшись полному уединенію, былъ въ истинномъ смыслѣ слова монахомъ. См. въ I в. Слово Симеона житіе его, стр. 4—6, 9, 14, 19; см

тельною чертою наших Богослововъ является чистота и дѣвственность души, цѣльность натуры и высокое благородство нрава. Это такія качества, которыя присущи не только возлюбленному ученику и великому Богослову, но въ такой же почти мѣрѣ и двумъ другимъ Богословамъ ⁶⁴⁾. Наконецъ, третьею общею чертою для „трехъ Богослововъ“ является несокрушимая вѣра, всецѣлая преданность Богу и горячая, пламенная любовь ко Христу. Эта любовь привлекала къ ап. Іоанну преимущественную любовь Господа, сдѣлала его возлюбленнымъ ученикомъ и наперсникомъ Спасителя и удостоила всеновленія Богоматери. Изображая эту любовь сына Зеведеева ко Христу Іисусу, М. Д. Муретовъ говоритъ: „Христосъ составлялъ центръ, основу и свѣточъ всего духовнаго и физическаго существа Богослова. Христосъ былъ для Іоанна все: начало, конецъ, середина универса,—альфа и омега всего бытія“ ⁶⁵⁾. А Григорій и Симеонъ сами съ за-

еще М. Р. op. cit., с. XIX, coll. 345 BCD—346 A. Монахъ Іерусей говоритъ, что Симеонъ поставилъ себя выше земного *...Ἀνώτερον θέτω αὐτὸν τῶν ἐχθρομίων...* М. Р. Notitia, col. 307 B. А по словамъ другого панегириста, вышеупомянутаго Василія, онъ, совершенно удалившись умомъ отъ вещественнаго пристрастія къ земному, представилъ себя Богу въ жилище. *Καὶ τῆς προσύλου προσπαθείας τῶν κατὰ τὸ τοῦ νοῦς φρόνιμα πάντῃ χωρίζας θεῷ παρέσχετο αὐτὸν εἰς κατοικίαν.* Ibid. col. 309 A.

⁶⁴⁾ Характеристику Іоанна Богослова съ этой стороны см. въ цит. соч. Муретова, стр. 26—27; въ Богослов. Энцикл. т. VI, столб. 820. Церковное преданіе и литургическая письменность вмѣстѣ съ другими наименованіями усваиваютъ Апостолу любви и наименованіе дѣвственника. См., напр., службу на 26 сент., стихиру послѣ евангелія и др. Чистота и дѣвственность для Григорія Богослова были особенно излюбленными и часто восхваляемыми имъ добродѣтелями. Онѣ же, конечно, осуществлены были имъ и въ жизни. См. твор. его ч. I, стр. 221; ч. III, стр. 183—184; ч. IV, стр. 256; ч. V, стр. 44—67 и др. По словамъ церковныхъ пѣснопѣвѣй, Григорій избралъ себѣ супружницу и споспѣшницею боговидную чистоту и цѣломудріе, которыми онъ былъ украшенъ въ жизни. См. службу на 25 янв., 2-й тропарь 3-й пѣсни второго канона и 4-й троп. 6-й пѣсни перв. канона. О преп. же Симеонѣ мы читаемъ у его панегиристовъ, что онъ, поставивъ цѣлю своихъ подвиговъ всесовершенное очищеніе чувствъ (М. Р. Notitia, col. 309 C), дѣйствительно очистился душою, разумомъ, умомъ и мыслями. Ibid. col. 307 D.

⁶⁵⁾ Цит. соч. его, стр. 27. „Изъ всѣхъ апостоловъ“, читаемъ мы тамъ же, „только одинъ Іоаннъ съ перваго момента знакомства съ Іисусомъ на берегахъ Іордана и до Голговы и вознесенія Христа на небо ни на минуту не сомнѣвался въ своемъ Учителѣ и ни разу не колебался въ своей вѣрѣ въ Него“.

мѣчательной силой и выразительностью свидѣтельствуютъ о своей любви ко Христу. „Я люблю Христа“, говоритъ Григорій Богословъ: „не знаю мѣры въ сей любви и хвалюсь ею“ ⁶⁶⁾. „Христе Царю!“—воскликаетъ онъ однажды—„Ты—мое отечество, моя крѣпость, мое блаженство, мое все!“ ⁶⁷⁾ „Я уязвленъ любовію къ Нему“, заявляетъ прец. Симеонъ, „и доколѣ не получилъ Его, сокрушаюсь духомъ и истеаваю“... ⁶⁸⁾ „я стараюсь ненасытно любить“, говоритъ о той же любви Преподобный: „я принуждаю свою природу любить и выше природы“ ⁶⁹⁾. „Оставьте меня одного“, умоляетъ св. Отецъ: „Я не хочу болѣе видѣть свѣтъ міра сего, ибо я вижу Господа моего... Позвольте мнѣ не только запереть келію и сидѣть внутри ея, но если даже я, вырвыши яму, сокроюсь тамъ, и буду проводить жизнь виѣ всего міра, созерцаая безсмертнаго Создателя и Господа, желая умереть изъ-за любви къ Нему“... ⁷⁰⁾

II.

Анализируя сходныя черты въ ученіи „трехъ Богослововъ“, мы опустили у нихъ еще одну наиболѣе интересную для насъ сторону. Это именно идеальное изображеніе богослова и богословствованія. Опущеніе это сдѣлано нами умышленно, дабы обслѣдовать эту сторону болѣе обстоятельно.

Итакъ, обратимся прежде всего къ Григорію Богослову, которымъ сдѣлано отчетливое изображеніе идеальнаго богослова, въ виду того, что въ его время крайне злоупотребляли высокимъ именемъ и дѣломъ богослова. „Любомудрствовать о Богѣ можно не всякому“, заявляетъ великій Святитель: „это пріобрѣтается не дешево и не пресмыкающи-

⁶⁶⁾ Твор. ч. II, стр. 203.

⁶⁷⁾ Твор. ч. IV, стр. 269; ср. ч. V, стр. 12; ч. VI, стр. 10. Или вотъ еще замѣчательныя фразы св. Пастыря: „забота моя о Тебѣ единственно, моя Троица!“... „Которой и неясныя тѣни приводятъ меня въ восторгъ“. Твор. ч. VI, стр. 57, 60; ср. ч. IV, стр. 289 и др. Уже въ двухъ этихъ словахъ: „моя Троица“ выражена вся несокрушимость вѣры св. Григорія, его беззаветная преданность и любовь къ Богу.

⁶⁸⁾ М. Р. op. cit., c. XVI, col. 533 C; ср. c. XXI, col. 556 A; c. XXIX, col. 572 D.

⁶⁹⁾ Ibid. c. XX, col. 552 AB; ср. c. XXVI, col. 563 D.

⁷⁰⁾ Ibid. c. XIX, coll. 545 BD—546 A.

мня по землѣ!“ ⁷¹⁾ Пока не преодолено въ чловѣкѣ вѣщественное и не очищены слухъ и мысли, не безопасно вѣдаться въ богословствованіе ⁷²⁾. Говоря съ проницѣю о производящихъ „въ одинъ день“ въ богословы и дѣлающихъся богословами ⁷³⁾, св. Григорій съ силою возстаётъ противъ тѣхъ, которые „составили изъ нечестія науку“ ⁷⁴⁾ и христіанское ученіе—это „великое наше таинство“ пытаются обратить „въ низкое ремесло“ ⁷⁵⁾. Въ противовѣсъ такимъ ложнымъ богословамъ Григорій, по его собственному фигуральному выраженію, какъ бы изваяніе, извѣкаетъ. идеальнаго богослова во всей его красотѣ ⁷⁶⁾. „Хочешь ли со временемъ стать богословомъ?“—спрашиваетъ св. Отецъ и самъ же отвѣчаетъ—„соблюдай заповѣди и не выступай изъ повелѣній. Ибо дѣла, какъ ступени, ведутъ къ созерцанію“ ⁷⁷⁾. „Восходи посредствомъ дѣлъ“ ⁷⁸⁾, потому что къ Богу мы приближаемся жизнью и дѣлами ⁷⁹⁾. „Любомудрствовать о Богѣ“, говоритъ еще Святитель, „способны... люди испытавшие себя, которые провели жизнь въ созерцаніи, а прежде всего очистили, по крайней мѣрѣ, очищаютъ и душу и тѣло“ ⁸⁰⁾. Богослову „должно быть, сколько можно, чистымъ, чтобъ свѣтъ пріемлемъ былъ свѣтомъ“ ⁸¹⁾. Наконецъ, для богослова безусловно необходимо еще „имѣть руководителемъ Духа“ (Святаго ⁸²⁾), потому что „при одномъ содѣйствіи“ Его „и можно только о Богѣ и мыслить, и говорить, и слушать“ ⁸³⁾. Итакъ, очищеніе себя, соблюденіе заповѣдей, созерцаніе и руководство Духа Святаго, возможное, конечно, только въ Церкви,—вотъ необходимыя условія для того, чтобы стать богословомъ.

⁷¹⁾ Твор. ч. III, стр. 5.

⁷²⁾ Твор. ч. II, стр. 134.

⁷³⁾ Твор. ч. III, стр. 10.

⁷⁴⁾ Твор. ч. II, стр. 152.

⁷⁵⁾ Твор. ч. III, стр. 4.

⁷⁶⁾ Ibid. стр. 8.

⁷⁷⁾ Твор. ч. II, стр. 142.

⁷⁸⁾ Ibid.

⁷⁹⁾ Твор. ч. III, стр. 134.

⁸⁰⁾ Ibid. стр. 5.

⁸¹⁾ Ibid. стр. 12; ср. ч. II, стр. 135.

⁸²⁾ Твор. ч. III, стр. 109.

⁸³⁾ Твор. ч. I, стр. 31.

Если таковъ долженъ быть богословъ, то и на дѣло богослова—на богословствованіе св. Назіанзинъ смотритъ также высоко. „Вѣдѣніе Бога“, говоритъ Григорій, есть „совершеннѣйшее изъ всего существующаго“ ⁸⁴⁾. Будущее блаженство по мысли св. Отца, будетъ состоять не въ чемъ иномъ, какъ въ совершенномъ познаніи Троицы ⁸⁵⁾. Истинное богословіе ⁸⁶⁾ настолько неразрывно соединено для Григорія съ дѣятельною вѣрою, съ христіанскою жизнію въ лонѣ православной Церкви, что онъ не раздѣляетъ ихъ даже и въ мысляхъ. Поэтому православное богословіе вездѣ онъ называетъ „благочестіемъ“ ⁸⁷⁾, которое противопоставляетъ злочестію и нечестію или богохульству ⁸⁸⁾, разумѣя при этомъ аріанъ и другихъ современныхъ ему еретиковъ и ихъ „излишнее, сладкорѣчивое и ухищренное богословствованіе“ ⁸⁹⁾. Себя же св. Отецъ называетъ „не дерзновеннымъ богословомъ“ ⁹⁰⁾, который всякій разъ, когда говоритъ о Богѣ, имѣетъ „трепетный языкъ, и умъ, и сердце“ ⁹¹⁾. А о богословіи своемъ Григорій замѣчаетъ, что онъ излагаетъ его „по способу Рыбарей, а не Аристотеля, духовно, а не хитросплетенно, по уставамъ Церкви, а не торжница, для пользы, а не изъ тщеславія“ ⁹²⁾.

Обращаясь къ преп. Симеону Новому Богослову, мы видимъ, что идеаль богослова и условія для богословствованія

⁸⁴⁾ Твор. ч. II, стр. 142.

⁸⁵⁾ Твор. ч. III, стр. 149.

⁸⁶⁾ Терминъ „богословіе“ имѣетъ у Григорія, какъ и у многихъ другихъ Отцовъ Церкви, весьма узкій смыслъ. Св. Назіанзинъ обозначаетъ имъ ученіе о Богѣ въ тѣсномъ смыслѣ, не включая сюда даже и ученія о домостроительствѣ нашего спасенія. См. твор. Григорія ч. III, стр. 104, 198 др. Кстати сказать, въ этомъ отношеніи и намъ необходимо возвратиться поближе ко временамъ Григорія Богослова, потому что въ настоящее время и понятіе „богословія“ и самое званіе „богослова“ сдѣлались настолько расплывчатыми и неопредѣленными, что ими означаются часто вещи и лица, совершенно далекія отъ истиннаго значенія этихъ словъ.

⁸⁷⁾ Св. отецъ говоритъ, напримѣръ, о „словѣ благочестія“, о „реченіяхъ благочестія“ и пр. Твор. ч. I, стр. 33; ч. III, стр. 13; ср. ч. I, стр. 30; ч. II, стр. 136 и др.

⁸⁸⁾ Твор. ч. II, стр. 169.

⁸⁹⁾ Ibid. стр. 151.

⁹⁰⁾ Ibid. стр. 142.

⁹¹⁾ Твор. ч. III, стр. 215.

⁹²⁾ Твор. ч. II, стр. 183.

рисуются у него въ тѣхъ же чертахъ, что и у Григорія, только болѣе подробно. По словамъ преп. Симеона, вѣдѣніе Бога въ Троицѣ есть жизнь ⁹³⁾. Отсюда ясна важность богословія, какъ истиннаго боговѣдѣнія. А какъ высоко смотрѣлъ Симеонъ на богослова, видно изъ того, что богословствующій, по его представленію, это тотъ, кто находится какъ бы въ царскихъ палатахъ, близъ Самого Царя—Бога, и бесѣдуетъ съ Нимъ ⁹⁴⁾. Поэтому-то св. Отецъ и говоритъ: „удивляюсь я тѣмъ..., которые прежде рожденія отъ Бога... не трепещутъ богословствовать и бесѣдовать о Богѣ. Когда слышу, какъ многіе..., будучи исполнены грѣховъ, богословствуютъ о Богѣ... безъ благодати Св. Духа..., трепещетъ, ужасается и нѣкоторымъ образомъ изъ себя выходитъ духъ мой“ ⁹⁵⁾. „Что можетъ быть нечистѣе того“, восклицаетъ Симеонъ, „кто... покушается учить о тѣхъ, яже Духа суть, безъ Духа? И что сквернѣе того, кто... приступаетъ богословствовать съ однимъ лжеименнымъ знаніемъ и внѣшнюю мудростію?“ ⁹⁶⁾ Порицая современныхъ ему легкомысленныхъ богослововъ, занимавшихся богословіемъ не для пользы духовной и извращавшихъ своими мудрованіями догматы Св. Троицы, св. Отецъ называетъ ихъ „суетсловами и нескладными богословами“, противопоставляя имъ ап. Іоанна, какъ самаго глубокаго Богослова ⁹⁷⁾.

Но какія же условія необходимы для истиннаго богословствованія? Мы видѣли уже, что преп. Симеонъ упомянулъ о благодати Св. Духа, какъ необходимѣйшемъ условіи для этого. Для полученія же благодати необходимо сперва чрезъ покаяніе, ⁹⁸⁾ разгоняющее наше невѣдѣніе, очистить свое сердце ⁹⁹⁾. „Прежде надобно очистить сосудъ отъ всякой скверны“—говоритъ Симеонъ—„и потомъ влгать въ него миро“. ¹⁰⁰⁾ Но помимо этого, необходима еще вѣра, ради ко-

⁹³⁾ М. Р. op. cit., с. III, с. 1515 В.

⁹⁴⁾ Слова в. II, стр. 552.

⁹⁵⁾ Ibid. стр. 92; ср. М. Р. op. cit., с. XXXVII, col. 593 С и слѣд.

⁹⁶⁾ Слова в. II, стр. 85.

⁹⁷⁾ Ibid. стр. 76, 79.

⁹⁸⁾ Если мы не разорвемъ между нами и Богомъ стѣну грѣховъ нашихъ, говоритъ Симеонъ, „то не только Бога не возможемъ познать, но не познаемъ даже и того, что мы человѣки“. Слова в. II, стр. 84.

⁹⁹⁾ Ibid. стр. 86.

¹⁰⁰⁾ Слова в. I, стр. 89; ср. в. II, стр. 329—330, 560—561. Сынъ Божій не

торой Богъ даетъ намъ вѣдѣніе, ¹⁰¹⁾ и соблюденіе заповѣдей ¹⁰²⁾ или добродѣтели. концы также открываются намъ дверь вѣдѣнія. ¹⁰³⁾ Или, говоря образнымъ языкомъ Симеона, должно сперва положить основаніе вѣры и создать изъ добродѣтелей домъ внутренняго благочестія души, чтобы возложить потомъ на него кровлю—вѣдѣніе Бога. ¹⁰⁴⁾ Невозможно, говоритъ св. Отецъ, чтобы не исполняющій заповѣдей Божіихъ „вѣрно возвѣщаль божественные догматы и богословствовать“. ¹⁰⁵⁾ Соблюдающій же заповѣди и тѣмъ доказывающій свою любовь къ Богу облачается благодатію Св. Духа. ¹⁰⁶⁾ Который „отверзаетъ умъ нашъ“ и „всему научаетъ“ насъ. ¹⁰⁷⁾ Благодать Божія—этотъ сокровенный и умный свѣтъ—также необходима для духовнаго вѣдѣнія; по словамъ Симеона, какъ чувственный свѣтъ для того, чтобы видѣть видимыя твари или читать книги. ¹⁰⁸⁾ Или какъ безъ солнечной теплоты не можетъ созрѣть плодъ земной, такъ

для того пришелъ, учить св. Отецъ, чтобы богословствовали, но „да разрушить дѣла діавола“, т. е. грѣхи. Въ комъ они будутъ разрушены, „тому можно вѣрять и тайны богословія и православныхъ догматовъ“. Слова в. I, стр. 89—90.

¹⁰¹⁾ Слова в. II, стр. 82.

¹⁰²⁾ „Иного способа къ тому, чтобы Богъ открылся въ комъ-либо“, говоритъ св. Отецъ, „не можетъ быть, кромѣ точнаго исполненія заповѣдей Его“. Слова в. II, стр. 101.

¹⁰³⁾ Слова в. I, стр. 444; ср. *Ibid.* стр. 446—447; М. Р. ор. cit., с. XX, col. 551A и др.

¹⁰⁴⁾ Слова в. II, стр. 343.

¹⁰⁵⁾ Слова в. I, стр. 91.

¹⁰⁶⁾ *Ibid.* стр. 173—174. Путь для полученія благодати Св. Духа болѣе подробно описывается у преп. Симеона въ такихъ чертахъ: вѣра, возрастая, восходитъ въ любовь (Слова в. II, стр. 82—83); также и добродѣтели приводятъ къ любви, потому что когда онѣ бываютъ все вмѣстѣ, тогда, по словамъ Симеона, среди нихъ, какъ древо, произрастаетъ страхъ Божій, который приноситъ иной, совершенно новый плодъ—любовь. М. Р. ор. cit., с. XVII, col. 535 BCD. А любовь уже и есть Божественный Духъ и Христосъ. *Ibid.* col. 536 B; с. VI, col. 518 D. Такимъ образомъ страхъ Божій, какъ начало премудрости, является однимъ изъ посредствующихъ условій для стяжанія боговѣдѣнія. То же мы видимъ и у Григорія Богослова. Симеонъ НБ. Слова в. I, стр. 322; в. II, стр. 27; М. Р. ор. cit., с. V, col. 517 B и др. Григорій Б. твор. ч. II, стр. 147; ч. III, стр. 213.

¹⁰⁷⁾ Слова в. II, стр. 70; М. Р. ор. cit., с. XXXI, col. 579 A; ср. Слова в. II, стр. 83; М. Р. ор. cit., с. XX, col. 550 D—551 A.

¹⁰⁸⁾ Слова в. I, стр. 83, 222—223; ср. М. Р. ор. cit., с. XXI, col. 558 B.

и безъ молитвы, безъ благодати, безъ теплоты умнаго Солнца—Христа невозможно получить зрѣлаго плода духовнаго отъ чтенія св. Писанія. ¹⁰⁹⁾ т. е. отъ всякаго вообще теоретическаго богословствованія. Силою же вѣры и благодати умъ нашъ, поврежденный грѣхомъ и болѣной, очищаясь, дѣлается здравымъ, ¹¹⁰⁾ соединяется съ Богомъ, со Христомъ ¹¹¹⁾ и постигаетъ истину. ¹¹²⁾

Итакъ, если ты приѣмешь Христа въ себя, говоритъ преп. Симеонъ, то, не припадая къ персямъ Спасителя, какъ Юаннъ, „но имѣя внутри персей своихъ все Слово Божіе, будешь ты богословствовать богословіе новое и ветхое и добре поймешь все богословія“. ¹¹³⁾ Имѣя въ себѣ Бога—вдохновителя Писаній, ты „самъ... будешь вдохновенною книгою, носящею новыя и древнія тайны“. ¹¹⁴⁾ Безъ соединенія же съ Богомъ, безъ просвѣщенія божественною благодатію никакая добродѣтель не доставитъ намъ „слова премудрости, или знанія, или разсужденія“, потому что все добродѣтели—только путь къ свѣту, а не самый свѣтъ; ¹¹⁵⁾ никакая мудрость міра не сообщитъ намъ истиннаго знанія и пониманія божественныхъ Писаній. ¹¹⁶⁾ А въ этомъ именно пониманіи и

¹⁰⁹⁾ Слова в. I, стр. 75—76.

¹¹⁰⁾ Слова в. I, стр. 147—148, 174. Не обладающіе же здравымъ умомъ по словамъ Симеона, „не имѣютъ чувствъ и разсужденія для различенія даже дѣлъ человѣческихъ.“ Слова в. II, стр. 326.

¹¹¹⁾ Слова в. I, стр. 173; ср. Ibid. стр. 89.

¹¹²⁾ Ibid. стр. 307. Истина, — говоритъ здѣсь Симеонъ, — утерянная нами чрезъ грѣхопаденіе, „въ словѣ Божіемъ содержится и благодатію Христовою постигается. Благодать во Христѣ Иисусѣ своею недомыслимою силою раздробленныя и многосплетенныя возрѣвнѣя упростила, исправила и объединила нѣкоторымъ, какъ бы физическимъ и непоколебимымъ единствомъ, показавъ тѣмъ, что все другіе къ тому способны недѣйствительны, непрактичны и бесполезны“.

¹¹³⁾ Слова в. II, стр. 366—367.

¹¹⁴⁾ Ibid. стр. 551.

¹¹⁵⁾ Ibid. стр. 455.

¹¹⁶⁾ Читая божественное Писаніе „въ нашей состоитъ власти“, говоритъ св. Отецъ, „то же, чтобы понимать читаемое, есть дѣло благодати Божіей“. Слова в. I, стр. 75. Оттого только немногіе изъ людей могутъ правильно разумѣть смыслъ божественныхъ писаній, прочіе же при толкованіи постоянно ошибаются. Слова в. II, стр. 525. Поэтому, предостерегаетъ Симеонъ, „не слѣдуетъ никому, прежде причастія божественной благодати, восходить на учительскую кафедру... такъ какъ изъ муд-

заключается, безъ сомнѣнія, основа для всякаго богословія. Если бы кто, выучивъ наизусть св. Писаніе, все его имѣлъ какъ бы въ устахъ, ¹¹⁷⁾ то и тогда безъ благодатнаго откровенія Духа Святаго оно было бы для него закрытою и запечатанною книгою, или являлось бы полнымъ неизреченнаго богатства, но крѣпко-на-крѣпко замкнутымъ сундукомъ, котораго нельзя открыть никакою человѣческою мудростію. ¹¹⁸⁾ Итакъ, для того, чтобы богословствовать, по словамъ Симеона, надо прежде перейти отъ смерти въ жизнь, пріять сѣмя Бога живаго—благодать Св. Духа, родиться духовно; стать чадомъ Божиимъ,—и тогда уже бесѣдовать о Богѣ. ¹¹⁹⁾ Резюмируя же все вышеизложенное, слѣдуетъ сказать, что для истиннаго богословствованія, по ученію преп. Симеона, необходима высоко-правственная, добродѣтельная жизнь въ благодатной атмосферѣ Церкви и ея таинствъ.

Но найдемъ ли мы что-либо подобное у Іоанна Богослова? Правда, у него нѣтъ изображенія идеальнаго богослова и богословствованія, но однако никто иной изъ новозавѣтныхъ писателей, какъ именно онъ—Апостолъ любви такъ ясно и полно развилъ ту теорію богопознанія, которую мы видѣли у Григорія и Симеона. „Ап. Іоаннъ“, читаемъ мы въ одномъ мѣстѣ о немъ, „не допускаетъ никакой противоположности между теоретическимъ и практическимъ, знаніемъ и дѣломъ, вѣрою и жизнью. Одно интеллектуальное познаніе истины (съ его точки зрѣнія) не имѣетъ никакого значе-

рыхъ въ словѣ, но не пріявшихъ божественной благодати, нынѣ сдѣлались вачальниками ересей, другіе побѣждены были словами еретиковъ“. Слова в. I, стр. 466.

¹¹⁷⁾ Полагающіе надежду своего спасенія въ одномъ изученіи Писанія, по словамъ Симеона, будутъ осуждены еще болѣе другихъ. Слова, в. I, стр. 445.

¹¹⁸⁾ Слова в. I, стр. 442—444, 446—447. Если бы „познаніе истинной премудрости и боговѣдѣнія“ подавалось посредствомъ „внѣшней премудрости, то для чего бы“, спрашиваетъ Симеонъ, „требовалась вѣра? или божественное крещеніе? или причастіе св. таинъ?“ Слова в. II, стр. 328.

¹¹⁹⁾ Слова в. II, стр. 92—93. Не просвѣщеннымъ же благодатію, по строгому взгляду св. Отца, нельзя не только богословствовать и учить другихъ, но „не позволяется даже читать божественныя Писанія“, тѣмъ болѣе входить въ храмъ и стоять съ вѣрными; по апостольскимъ правиламъ имъ должно стоять за дверями храма, какъ оглашеннымъ. Слова в. II, стр. 334—335, 453.

нія".¹²⁰⁾ И въ самомъ дѣлѣ, въ евангеліи Іоанна Христосъ Спаситель говоритъ, что познаніе единого истиннаго Бога и посланнаго Имъ Сына Божія есть уже жизнь вѣчная,¹²¹⁾ что истину Его ученія познаетъ только тотъ, кто хочетъ творить волю Божію;¹²²⁾ а въ посланіяхъ Іоанна не объ изученіи истины говорится, но о „хожденіи во истину".¹²³⁾ и о томъ, что согрѣшающій не видѣтъ Бога и не познаетъ Его.¹²⁴⁾ Что касается частныхъ условій богопознанія, то по Іоанну Богослову для него прежде всего необходима вѣра, какъ основаніе,¹²⁵⁾ затѣмъ очищеніе¹²⁶⁾ и главнымъ образомъ любовь,¹²⁷⁾ неразрывно связанная съ соблюденіемъ заповѣдей и проявляющаяся въ немъ.¹²⁸⁾ Черезъ соблюденіе заповѣдей дается познаніе истины и боговѣдѣніе.¹²⁹⁾ Но не непосредственно, а чрезъ особое „священіе" во истину,¹³⁰⁾ чрезъ рожденіе отъ Бога,¹³¹⁾ чрезъ пребываніе въ Богѣ, во Христѣ,¹³²⁾ Который есть свѣтъ истинный, просвѣщающій всякаго человѣка.¹³³⁾ Онъ именно есть путь, истина и жизнь¹³⁴⁾ и Онъ далъ намъ свѣтъ и разумъ.¹³⁵⁾ Наконецъ, познаніе истины, по писаніямъ Іоанна, дается чрезъ благодать Христову¹³⁶⁾ или чрезъ Утѣшителя—Духа истины.¹³⁷⁾ Который научаетъ насъ всему и наставляетъ на

¹²⁰⁾ Богословск. Энциклон. т. VI, столб. 820.

¹²¹⁾ Іоан. 17, 3.

¹²²⁾ Іоан. 7, 17.

¹²³⁾ II Іоан. 1, 4; III Іоан. 1, 3.

¹²⁴⁾ I Іоан. 3, 6; ср. III Іоан. 1, 11.

¹²⁵⁾ Іоан. 7, 38; ср. 5, 38; Іоан. 3, 36; 6, 47—49, 3.

¹²⁶⁾ I Іоан. 3, 3.

¹²⁷⁾ I Іоан. 4, 7—8; ср. II Іоан. 1, 3.

¹²⁸⁾ Іоан. 14, 15, 21, 23—24; I Іоан. 5, 3 и др. И наоборотъ соблюденіе заповѣдей является необходимымъ условіемъ для пребыванія въ любви Божіей. Іоан. 15, 9—10.

¹²⁹⁾ Іоан. 8, 31—32. I Іоан. 2, 3—4.

¹³⁰⁾ Іоан. 17, 17—19.

¹³¹⁾ Іоан. 1, 12—13. 10, 14.

¹³²⁾ Іоан. 17, 21, 23; I Іоан. 2, 3; 3, 6; 4, 12—13 и др.

¹³³⁾ Іоан. 1, 9.

¹³⁴⁾ Іоан. 14, 6.

¹³⁵⁾ I Іоан. 5, 20.

¹³⁶⁾ Іоан. 1, 17.

¹³⁷⁾ Іоан. 14, 17, 15, 26; I Іоан. 5, 6.

всякую истину. ¹³⁸⁾ Это и есть то истинное и неложное „Помазаніе“, пребывающее въ которомъ, человѣкъ не требуетъ, да кто учить его. ¹³⁹⁾

Вотъ какъ согласно говорить объ условіяхъ истиннаго боговѣдѣнія и въ какихъ сходныхъ чертахъ изображаютъ намъ идеальнаго богослова всѣ наши „три Богослова“. Богословіе такимъ образомъ, по ихъ представленію, есть не свободная профессія, которую легко можно взять на себя кому-удобно и также легко и бросить. Богословствованіе есть „путь религіозно-нравственнаго опыта—путь трудный, требующій нравственнаго подвига и самоотверженія“. ¹⁴⁰⁾ Чтобы стать богословомъ, недостаточно поступить въ духовную школу, обучиться въ ней наукамъ и получить соответствующій дипломъ. При всемъ этомъ необходимо еще опытно пройти богословское знаніе—вѣрою, жизнью, дѣлами, необходимо личнымъ подвигомъ углубить это знаніе и чрезъ благодатное озареніе Духа Святаго одухотворить и оживотворить его.

Послѣ того, что сейчасъ сказано, невольно напрашивается вопросъ: приложимъ ли этотъ идеалъ къ современному богослову? Если все дѣло сводится къ добродѣтельной жизни, то нужно ли при этомъ еще научное богословствованіе? Въ отвѣтъ на это надо сказать: доколѣ мы живемъ въ тѣлѣ, и наше богопознаніе является „якоже зеркаломъ въ гадинѣ“, ¹⁴¹⁾ доколѣ существуютъ ереси и разномыслія, и доколѣ не всѣ пришли „въ единство вѣры и познанія Сына Божія“; ¹⁴²⁾ до тѣхъ поръ необходима будетъ и наука и научное богословіе. Доказательство этого мы видимъ почти у всѣхъ Отцовъ и учителей Церкви, которые въ цѣляхъ апологетическихъ и полемическихъ пользовались философіей, діалектикой, естествовѣдѣніемъ и всѣми доступными имъ научными методами и средствами для защиты и утвержденія христіанской истины. И одинъ изъ нашихъ „трехъ Богослововъ“—Григорій Назіанзинъ высказываетъ съ своей сто-

¹³⁸⁾ Іоан. 14, 26; 16, 13.

¹³⁹⁾ I Іоан. 2, 20—21, 27.

¹⁴⁰⁾ Религіозно-Философск. Библіотека изд. Новоселова вып. 26, Нравственныя условія богопознанія, стр. 44—45.

¹⁴¹⁾ I Кор. 13, 12.

¹⁴²⁾ Ефес. 4, 13.

роны весьма высокое уваженіе къ образованію и наукѣ.¹⁴³⁾ Вообще Отцы Церкви отдавали наукѣ извѣстную дань вниманія и уваженія, но не какъ самоцѣли, каковою не по праву наука желаетъ стать нынѣ, не какъ самостоятельной цѣльности, но какъ хорошему средству, которымъ можно и должно пользоваться для хорошихъ, конечно, цѣлей.

Такимъ образомъ не о необходимости научнаго богословія надо говорить, а о безусловно необходимомъ сочетаніи вѣры и жизни съ задачами этого богословія. Стоя на уровнѣ современной науки и отвѣчая потребностямъ времени и Церкви, нынѣ еще болѣе обуреваемой еретическими, раціоналистическими и атеистическими ученіями, современный богословъ въ то же время долженъ стремиться къ воплощенію въ себѣ того идеала, который такъ ясно начертанъ у „трехъ Богослововъ“.¹⁴⁴⁾ Отступленіе отъ этого идеала ведетъ къ саморазложенію богословія, дѣлаетъ его мертвымъ, безжизненнымъ, схоластичнымъ, обращаетъ богословіе въ чисто раціоналистическое, мнимое знаніе. А богослова лишаетъ живой души и, создавая для него фальшиво-противорѣчивое положеніе, превращаетъ его въ того, противъ кого всякому бого-

¹⁴³⁾ Науку и краснорѣчіе Григорій Богословъ считалъ первымъ благомъ послѣ первѣйшаго и божественнаго, т. е. послѣ высочайшаго Блага—Бога. Твор. ч. IV, стр. 59—51; ч. I, стр. 126; см. еще твор. ч. IV, стр. 53, 60; ч. V, стр. 228—244 и др. Объ отношеніи Григорія Богослова къ образованію и наукѣ см. въ цит. соч. Виноградова стр. 166—168.

¹⁴⁴⁾ Всякая научная работа, а тѣмъ болѣе научно-богословская слагается обыкновенно изъ слѣдующаго процесса: первоначально и независимо отъ всего, сознательно или несознательно, всякій изслѣдователь ставитъ себѣ такіе или иные, ясные или неясные, правые или неправые принципы, положенія, идеалы и цѣли, къ раскрытію, обоснованію и достиженію которыхъ онъ и приспособляетъ затѣмъ имѣющіеся у него научный матеріалъ, пользуется такими или иными средствами, употребляетъ такую или иную эрудицію. Такимъ образомъ центральный нервъ научной работы, ея основная идея, такъ сказать—душа ея всегда стоитъ въ непосредственной зависимости отъ внутренняго духовнаго существа изслѣдователя, которое создается и опредѣляется главнымъ образомъ вѣрованіемъ и нравственностію чловѣка. Отсюда ясно, что идеаль богослова никогда не можетъ быть только теоретическимъ, но необходимо долженъ быть и религіозно-практическимъ. При эрудиции и отвлеченно-теоретическихъ познаніяхъ, богословъ необходимо долженъ еще обладать полнотою и цѣлостностію духа, богатствомъ внутренней духовной жизни, которая давала бы надежную опору для его вѣрованія, дѣйствованія и ученія.

слову необходимо направлять свое оружіе. Оторвавшись отъ здоровой церковной жизни и не сдерживаемая никакими внѣшними авторитетами, значительнѣйшая часть западной протестантской богословской науки пришла уже къ полному саморазложенію: богословіе тамъ, можно сказать, сдѣлалось антибогословіемъ и своими собственными руками вырыло себѣ могилу. ¹⁴⁵⁾ Тогда какъ эпоха непосредственной живой связи богословской науки съ благодатною жизнію Церкви, „вѣка великихъ образцовъ нравственного совершенства были въ то же время золотыми вѣками въ исторіи христіанскаго просвѣщенія, вѣками особенно широкаго развитія христіанскаго богословія“. ¹⁴⁶⁾

Заканчивая настоящій очеркъ, мы снова обратимъ свои взоры къ „тремъ Богословамъ“. Замѣчательно, что въ ихъ лицѣ мы видимъ полное совпаденіе теоріи и практики, идеала и дѣйствительности. Припомнимъ, что особенно характерными чертами для „трехъ Богослововъ“ являются созерцательная настроенность, чистота сердца и пламенная любовь къ Богу. А эти именно качества, по ученію нашихъ же Богослововъ, составляютъ основныя условія для истин-

¹⁴⁵⁾ Что это дѣйствительно такъ, стоитъ вспомнить нѣмецкихъ богослововъ-мнеологистовъ во главѣ со Штраусомъ, научный произволъ историко-критической школы Бауэра и, наконецъ, новомодное Ричліанское богословіе, которое есть не что иное, какъ „либеральный раціонализмъ, только надѣвший на себя личину вѣры“. Исторія христіанск. церкви въ XIX в., приложеніе къ „Страннику“ за 1900 г., стр. 486. „Лютеранское богословіе“, читаемъ мы въ цитированной книгѣ, „идя... по пути послѣдовательнаго развитія основныхъ своихъ началъ, пришло въ концѣ его къ выводамъ, отрицательнымъ не только для самого лютеранства... но и для всего христіанства, даже для религіи вообще“ (хорошо богословіе!). Стр. 488. См. еще брошюру Лопухина: Современный западъ въ религіозно-нравственномъ отношеніи, гдѣ ясно изображено постепенное разложеніе религіозной мысли въ англиканскомъ протестантизмѣ. Стр. 44—61. См. также спеціальное изслѣдованіе Керейскаго: Школа Ричліанскаго богословія въ лютеранствѣ. Въ самое послѣднее время въ Германіи стало возможнымъ такое явленіе, какъ участіе официальныхъ представителей протестантской церкви и богословія—пасторовъ-богослововъ въ антихристіанскомъ союзѣ моинистовъ и защита ими нелѣпыхъ идей Дрекса. См. статью свящ. Сахарова: Союзъ моинистовъ и борьба съ нимъ въ Германіи. Богосл. Вѣсти. 1911, т. III, стр. 486, 782.

¹⁴⁶⁾ Религіозно-Философск. Библ. вып. 26, стр. 43.

наго богословствованія. Такимъ образомъ мы имѣемъ полное оправданіе того высокаго и исключительнаго титула, который усвоенъ „тремъ Богословамъ“. Каково бы ни было происхожденіе, и каковы бы ни были основанія для усвоенія имъ столь почетнаго титула ¹⁴⁷⁾, для насъ теперь несомнѣннымъ является то, что эти три великіе мужа названы Богословами не случайно, но что это высокое наименованіе придано именно имъ, какъ истиннымъ и величайшимъ Богословамъ, которые не только начертали намъ идеальное богослова, но, чрезъ свою жизнь и благодаря своимъ высокимъ нравственнымъ качествамъ, и осуществили его въ себѣ—въ своемъ поразительно глубококомъ и возвышенномъ богословствованіи. Въ ученіи „трехъ Богослововъ“ поражаетъ именно высота созерцанія и необычайная глубина проникновенія въ тайны боговѣдѣнія, о чемъ свидѣлствуютъ всѣ ихъ изслѣдователи ¹⁴⁸⁾. А эта высота и глубина богословствованія у

¹⁴⁷⁾ Присвоенное возлюбленному ученику имя Богослова указываетъ главнымъ образомъ „на основной и существенный пунктъ его ученія“, каковымъ является у Іоанна „последнее слово откровенія относительно Бога-Слова“. Богослов. Энцикл. т. VI, столб. 821. Григорій же Богословъ, называемый въ церковныхъ писаніяхъ „другимъ сыномъ громовымъ“, „вторымъ богословомъ и наперникомъ“ (см. службу на 25 янв., 1-ю стихирю на стиховѣ; 1-й тропарь 1-й пѣсни перваго канона и славу стихирь на хвалитехъ), почтенъ этимъ титуломъ потому, что послѣ Богослова—Апостола онъ „первый постигалъ столько высокими и вмѣстѣ точными помыслами глубины Божества, сколько постигать ихъ можно человѣку при свѣтѣ откровенія“. Архiep. Филаретъ цит. соч. т. II, стр. 190; ср. Фаррара цит. соч., т. I, стр. 554. Что же касается до преп. Симеона, который, какъ говоритъ его жизнеописатель, богословствовалъ, не зная наукъ, какъ возлюбленный ученикъ, то по словамъ того же Филарета, онъ названъ такъ потому, что преподавалъ такія глубокія тайны... о какихъ давно не слышали“. Цит. соч., т. III, стр. 402, 404. По замѣчанію же Kurtz'a, титулъ богослова уравниваетъ Симеона съ Григоріемъ Назіанзинскимъ. Op. cit., s. 132. Вълѣдъ за нѣмецкимъ историкомъ то же повторяетъ и нашъ церковный историкъ А. П. Лебедевъ. Очерки внутр. исторіи византійск. церкви въ IX—XI вв., изд. 2-е, стр. 212.

¹⁴⁸⁾ Объ Іоаннѣ Богословѣ см. твор. Василія Великаго, изд. 4-е, ч. III, стр. 73; Іоанна Златоуста т. XII, стр. 380. Августинъ выразительно замѣчаетъ о новозавѣтномъ Тайнозрителѣ, что „онъ отъ персей Господа“ какъ бы „вкусилъ таинство Божества“. Твор. ч. X., стр. 7. Въ цит. соч. еп. Евдокима читаемъ объ Апостолахъ любовь: „Его писаніе глубоко, какъ необъятное море, и возвышенно, какъ высокое звѣздное небо“ (стр. 141). „Онъ проникаетъ въ сокровеннѣйшій духъ ученія своего великаго

„трехъ Богослововъ“ объясняется тѣмъ, что они за святость жизни, чистоту сердца и пламенную любовь къ Богу получили особенно обильную благодать Духа Святаго, Духа премудрости и разума, Духа вѣдѣнія и благочестія ¹⁴⁹⁾. О возлюбленномъ ученикѣ Христовомъ св. Іоаннѣ Златоустъ говоритъ, что горнія силы дивятся благообразію души его, разуму и красотѣ его добродѣтели, которою онъ привлекъ къ себѣ Христа и получилъ благодать духовную; настроивъ же душу свою подобно благозвучной лирѣ, онъ возгласилъ чрезъ нее Духомъ нѣчто великое и возвышенное ¹⁵⁰⁾. А св. Церковь, называя Іоанна Богослова „храмомъ Духа и свѣтоносными устами благодати“ ¹⁵¹⁾, поетъ о немъ: „полнѣйшій любви, полнѣе бысть и богословія“ ¹⁵²⁾. Она же ио Григоріи Богословъ—этомъ „органѣ Духа Святаго“ и „боговъищанной цѣвницѣ благодати“ ¹⁵³⁾—свидѣтельствуешь, что онъ, очистивъ божественными дѣяніями душу и тѣло и мысли, вознесъ на гору добродѣтелей ¹⁵⁴⁾, посему и привлекъ къ себѣ Духа премудрости и, „полнѣе благодати бывъ, божественная возгремѣлъ... ученія“ ¹⁵⁵⁾. Наконецъ, подобное же сви-

теля“... стр. 160. О Григоріи Богословѣ Церковь поетъ: „до дна испытавъ глубины Божія“... Служба на 25 янв., 1-й троп. 6-й пѣсни второго канона. Или: „благодати божественныя глубино... высто небесныхъ разумѣній“. Та же служба, 3-я стихира на, Господи, воззвахъ, на мал. вечерни. О немъ же см. цит. соч. Архіеи. Филарета, т. II, стр. 190. Преп. Симеону панагерики приписываютъ вѣдѣніе тайныхъ догматовъ и называютъ его посвященнымъ въ таинства Божественнаго Духа. М. Р. Notitia, coll. 308С, 309А. Аникиевъ въ выше упомянутой брошюрѣ говоритъ, что всѣ изслѣдователи отмѣчаютъ у Новаго Богослова „глубину духовнаго постиженія, даръ исчерпывающе разсматривать самые сокровенные вопросы богословія“... стр. 126; см. также стр. 127, 132; см. еще цит. соч. Нолля, s. 36 и др.

¹⁴⁹⁾ Ис. 11, 2.

¹⁵⁰⁾ Твор. т. VIII, стр. 7.

¹⁵¹⁾ Служба на 26 сент., 2-я стихира на хвалитехъ.

¹⁵²⁾ Та же служба, слава въ стихирахъ на, Господи, воззвахъ. Весьма картинны и выразительны еще эти слова: „Мудроститы бездну почерпавши, всемудре, возлегъ... на премудрости Источницѣ“. Въ той же службѣ 3-й троп. 3-й пѣсни перваго канона.

¹⁵³⁾ Служба на 25 янв., 3-я стихира на стиховнѣ; 3-й тропарь 3-й пѣсни перваго канона.

¹⁵⁴⁾ Та же служба, слава стихиръ литійныхъ; 3-й троп. 4-й пѣсни перваго канона; 2-й троп. 8-й пѣсни того же канона.

¹⁵⁵⁾ Въ той же службѣ 1-я стихира на литіи.

дѣтельность мы находимъ и относительно преп. Симеона. Это именно стихи пѣвскаго панегириста, который говоритъ о Симеонѣ, что онъ не былъ лишенъ ни одного изъ добродѣтельныхъ дѣяній, но получилъ столько дарованій, сколько—ни одинъ изъ святыхъ ¹⁵⁶⁾. По словамъ того же автора, Богъ „скоро исполнилъ его обильнаго причастія седмочисленныхъ даровъ Духа“ ¹⁵⁷⁾. Итакъ, справедливо великій Апостолъ—Тайнозритель наименовалъ Церковь „начальникомъ богословія“ ¹⁵⁸⁾, а св. Григорій Назіанзинъ „источникомъ богословія“ ¹⁵⁹⁾. Мы не ошибемся, если и преп. Симеона Нового Богослова назовемъ пропикновеннымъ истолкователемъ перваго и великаго Богослова и весьма сроднымъ и близкимъ по духу Каппадокійскому Богослову.

Да сіяютъ же своимъ небеснымъ свѣтомъ предъ мысленнымъ взоромъ всякаго православнаго богослова эти „три Богослова“, какъ три путеводныя звѣзды. Да будутъ они для него какъ предметъ подражанія по своей жизни и высокими нравственнымъ качествамъ, такъ и надежными руководителями въ рѣшеніи основныхъ вопросовъ богословія и во взглядѣ на самое богословствованіе.

Иеромонахъ Пантелеимонъ.

¹⁵⁶⁾ *Καὶ διὰ τὸ αὐτὸν μᾶλλον ἡ χάρις αὐτοῦ ἐπερέτειεν
οὐκ ἀπεφράλλη*

*Ἀλλὰ τόσον ἔτυχε τῶν χαρισμάτων,
ὅσον καὶ οὐδὲς τῶν ἀπ' ἐρχῆς ἑγίων.*

M. P. Notitia, col. 308D.

¹⁵⁷⁾ *Ἐπλήρωσεν εὐθὺς ἀφ' ὁμοῦ μετουσίαν*

τῶν ἐπιτιμιῶν Πνεύματος χαρισμάτων. Ibid. col. 309B.

Нѣсколько ниже говорится о Симеонѣ, что онъ приобрѣлъ обитающую въ немъ благодать всемогнутаго Духа.

¹⁵⁸⁾ Служба на 26 сент., слава въ стихирахъ на, Господи, воззвахъ.

¹⁵⁹⁾ Служба на 25 янв., слава стихирь на, Господи, воззвахъ на малой вечерни.